



## Инструменты преодоления внутреннего социально-экономического неравенства



Е. Г. Коваленко\*



Т. М. Полушкина



О. Ю. Якимова



Ю. А. Акимова

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),  
\* kovelena13@mail.ru*

**Введение.** Приоритетами государственной политики современной России являются динамичный экономический рост и повышение качества жизни населения на всей территории страны. Различия в природно-климатических условиях, отраслевой специализации экономики, инфраструктурных ограничениях привели к дифференциации межрегионального и внутрирегионального социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Действующие меры государственного регулирования и поддержки регионов не обеспечивают преодоления неравенства. Цель статьи – по результатам проведенного исследования разработать предложения по обоснованию инструментов, учитывающих особенности территорий и направлений активизации процессов их саморазвития.

**Материалы и методы.** Исследование неравенства муниципальных образований проводилось на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия, отчетности и стратегических документов муниципалитетов. Эмпирический материал был обработан с использованием методов сравнения, группировок. Определен уровень неравенства муниципальных территорий, что позволило обосновать основные направления и инструменты их развития.

**Результаты исследования.** Проведена оценка социально-экономического состояния муниципальных районов Республики Мордовия и выявлен уровень их дифференциации с расчетом показателей вариации, проведена группировка административно-территориальных единиц по демографической ситуации, проанализированы различия между ними и возможности саморазвития каждой из выделенных групп.

**Обсуждение и заключение.** Определены инструменты преодоления неравенства с учетом особенностей муниципалитетов, требующие корректировки муниципальных стратегий социально-экономического развития до 2025 г. и формирования концепции

© Коваленко Е. Г., Полушкина Т. М., Якимова О. Ю., Акимова Ю. А., 2021



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



пространственного развития республики. Сформулированы рекомендации по активизации некоторых имеющихся и разработке новых инструментов. Полученные результаты исследования могут быть использованы органами местного самоуправления при актуализации приоритетов развития территорий и применяемого инструментария экономического механизма стратегического управления.

*Ключевые слова:* пространственное развитие региона, муниципальное образование, социально-экономическая дифференциация, метод снижения неравенства

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*

*Для цитирования:* Инструменты преодоления внутреннего социально-экономического неравенства / Е. Г. Коваленко, Т. М. Полушкина, О. Ю. Якимова, Ю. А. Акимова. – DOI 10.15507/2413-1407.116.029.202103.611-641 // Регионоведение. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 611–641.

## Tools to Overcome Internal Socio-Economic Inequality

E. G. Kovalenko\*, T. M. Polushkina, O. Yu. Yakimova, Yu. A. Akimova  
National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),  
\* kovelena13@mail.ru

**Introduction.** Dynamic economic growth and improvement of the quality of life of the population throughout the country are the priorities of the state policies in modern Russia. Differences in natural and climatic conditions, sectoral specialization of the economy, and infrastructural constraints have caused the differentiation of interregional and intraregional socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities. The current measures of state regulation and support for the regions do not provide for overcoming inequality. Based on the results of the research conducted, the article formulates proposals on substantiation of tools that take into account the features of territories and the ways of their self-development.

**Materials and Methods.** The research on inequality of municipalities was conducted on the basis of data from the territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Mordovia, the Ministry of Economy, Trade and Entrepreneurship of the Republic of Mordovia, as well as from reports and strategic documents of municipalities. The empirical material was processed using the methods of comparison and grouping. The level of inequality of municipal territories was identified, which made it possible to substantiate the main directions and tools for their development.

**Results.** An assessment of the socio-economic state of the municipal districts of the Republic of Mordovia has been carried out and the level of their differentiation has been revealed with the calculation of variation indicators; the administrative and territorial units have been grouped according to the demographic situation, the differences between them and the possibilities of self-development of each of the selected groups have been analyzed.

**Discussion and Conclusion.** The tools to overcome inequality have been identified, taking into account the features of the municipalities, which require adjustments to municipal strategies for socio-economic development until 2025 and formulation of a concept for the spatial development of the Republic of Mordovia. Recommendations for activating some of the existing tools and developing new ones have been put forward. The results obtained can be used by local governments when updating the priorities for the development of territories and the applied tools of the economic mechanism of strategic management.



*Keywords:* spatial development of a region, municipality, socio-economic differentiation, method for reducing inequality

*The authors declare that there is no conflict of interest.*

*For citation:* Kovalenko E.G., Polushkina T.M., Yakimova O.Yu., Akimova Yu.A. Tools to Overcome Internal Socio-Economic Inequality. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):611-641. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.611-641>

**Введение.** Проблема регионального неравенства является одной из актуальных, поскольку может представлять угрозу национальной безопасности страны. Социально-экономическая неоднородность территорий обусловлена историческим, географическим и природным своеобразием, демографией, процессами экономического развития, инфраструктурной обустроенностью и др. Региональная дифференциация может служить как стимулом, так и тормозом социально-экономического развития, однако важно установить приемлемые границы неравенства и адекватные меры государственного регулирования его сглаживания. Принятая в 2019 г. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. направлена «...на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны»<sup>1</sup>. Приоритетами до 2025 г. определены: опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, развитие перспективных центров экономического роста и социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения и с недостаточным собственным потенциалом экономического роста. Достижение национальных целей и задач пространственного развития возможно при условии разработки и реализации соответствующих стратегических документов в каждом субъекте Российской Федерации.

В докладе Всемирного банка «К новому общественному договору» приведен рейтинг стран Европы и Центральной Азии по степени неравенства регионов, в котором Россия находится на третьем месте после Таджикистана и Словакии. Из-за обширной территории страны неравенство проявляется как по федеральным округам, так и по муниципальным образованиям за счет больших различий между городами и сельскими территориями [1]. По данным Росстата, дифференциация субъектов Российской Федерации по экономическому развитию (по объему валового регионального продукта на душу населения) составляет 14 раз – от 1 575,3 тыс. руб. в Сахалинской области до 111,8 тыс. руб. в Республике Ингушетия. Социальные различия, например, в уровне бедности (по доле населения с денежными доходами ниже величины

<sup>1</sup> Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-п [Электронный ресурс]. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/) (дата обращения: 17.01.2021).



прожиточного минимума), меньше экономических, но тоже существенные: в мегаполисах Москве и Санкт-Петербурге – 6,6 %, а в Республике Ингушетия – 30,5 %, или в 4,6 раза. Неравенство социально-экономического положения на субрегиональном уровне может быть более глубоким, что объясняется отсутствием достаточного внимания к проблемам пространственного развития со стороны органов публичного управления в субъектах Российской Федерации, эффективных инструментов государственного регулирования и недостатком финансовых ресурсов в муниципальных бюджетах.

Проблема регионального неравенства не только многоуровневая, но и междисциплинарная, чем и объясняется интерес к ней географов, социологов, политологов и экономистов. Данное обстоятельство, на наш взгляд, может найти отражение в реальной региональной политике, которая должна учитывать, по возможности, все аспекты, оказывающие влияние на устойчивость развития территорий и уровень благосостояния населения. Наименее изученными до настоящего времени остаются вопросы пространственного развития на субфедеральном уровне, где исторически сложился высокий уровень социально-экономического неравенства и он продолжает возрастать, несмотря на применяемые меры государственного регулирования.

Объектом нашего исследования являются тенденции развития муниципальных образований на примере Республики Мордовия. Цель статьи – согласно результатам проведенного исследования разработать предложения по обоснованию инструментов государственного регулирования социально-экономического развития муниципальных образований, способствующих преодолению избыточного неравенства между ними.

В задачи исследования входило: 1) оценить уровень дифференциации муниципальных образований по демографической ситуации, показателям экономического и социального развития; 2) классифицировать муниципалитеты и оценить возможности развития каждой группы в рамках системы действующих мер государственного регулирования; 3) обосновать приоритеты стратегического развития для выделенных групп муниципалитетов и необходимые для этого инструменты государственной поддержки.

**Обзор литературы.** Закономерности пространственного развития интересуют ученых более века. Большинство ученых, занимающихся исследованием неравномерности размещения производительных сил и концентрации экономической деятельности на отдельных территориях, признают объективность дифференциации пространственного развития. Основа этого вывода отражена в модели кумулятивного роста шведского экономиста Г. Мюрдаля, который на примере многих стран установил неравномерность роста экономики в системе рыночных отношений и сохранение неравенства за счет постоянного укрепления позиций конкурентоспособных территорий<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. London: Gerald Duckworth, 1957. 187 p.



Среди многочисленных теорий организации пространства важную роль в понимании процессов территориального развития сыграла теория центральных мест В. Кристаллера, в которой крупные и мелкие города сосредотачивают промышленное производство и услуги и образуют покрывающие все пространство сети. В. Кристаллер выделяет три принципа организации систем центральных мест: рыночный, транспортный и административный, каждый из которых позволяет определить расположение, роль и взаимосвязи между центрами высшего и низшего порядка<sup>3</sup>.

Научный интерес представляет центр-периферийная модель Дж. Фридмана, по которой субъекты экономической деятельности концентрируются в центрах роста, они формируются поэтапно и оказывают различное влияние на окружающие их территории. Несколько центров формируют полицентрическую структуру, действие которой на окружение многократно усиливается. Инновационное развитие центров роста с определенным временным лагом способствует передаче инноваций на периферию. Важно, что данная модель присуща как крупным агломерациям, так и региональным и местным центрам<sup>4</sup>.

Несколько иные причины пространственного неравенства исследуются в рамках «новой экономической географии», которая связывает конкурентные преимущества территорий с формирующими ее факторами. П. Кругман выделил две группы факторов, называя их факторами «первой природы» и «второй природы». В первую группу отнесены не зависящие от деятельности людей факторы – это востребованные экономикой природные ресурсы (полезные ископаемые, земельные и др.) и географическое положение территории (включая развитие транспортной инфраструктуры). Вторая группа факторов связана с результатами деятельности человека и включает: агломерационный эффект процесса урбанизации, который обеспечивает экономию за счет масштабов деятельности; концентрацию в городах человеческого капитала, способствующую росту производительности труда и создающую для людей более высокое качество жизни; институты, содействующие улучшению предпринимательского климата, мобильности населения, распространению инноваций и др.; инфраструктуру, сокращающую экономические расстояния<sup>5</sup>.

Роль факторов в развитии общества со временем меняется, и более сильное влияние на развитие территорий оказывают факторы «второй природы», о чем свидетельствуют исследования российских ученых. Н. В. Зубаревич отмечает высокую зависимость уровня развития регионов от факторов «первой природы» (в частности, наличие месторождений нефти, газа, металлов), которые способствуют и активизации второй группы факторов. Не имеющие

<sup>3</sup> Christaller W. *Central Places in Southern Germany*. New York: Englewood Cliffs, 1967. 107 p.

<sup>4</sup> Friedmann J. *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1966. P. 25–26.

<sup>5</sup> Krugman P. R. *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press, 1991. 142 p.



таких ресурсов регионы, как правило, ограничены в средствах для развития институциональной среды, социальной и производственной инфраструктуры. Необходимо смягчение социальных различий между регионами за счет масштабной адресной социальной поддержки уязвимых групп населения и стимулирования в менее развитых регионах зон роста. Оба эти направления требуют модернизации соответствующих институтов<sup>6</sup> [2].

В последнее десятилетие проблема углубления неравенства между странами и внутри них активно исследуется учеными с акцентом на выявление национальных особенностей, причинно-следственных связей, применяемых инструментов выравнивания и их результативности.

Тренды мирового развития и результаты процессов глобализации отражены в публикациях международных организаций и отдельных авторов [1; 3]. Так, М. Монтебови в своей работе о глобальном неравенстве констатирует неравномерность распределения экономических выгод от глобализации. Он использует сочетание подходов из экономики, политологии и исторического анализа, описывая роли географического положения и социальных классов стран и их изменение с течением времени в глобальном неравенстве [4].

В большинстве стран реализуется региональная политика, направленная на преодоление социально-экономического неравенства территорий. Например, в Республике Корея региональное развитие нацелено на эндогенный рост с акцентом на региональную идентичность и специализацию, комплексную поддержку со стороны правительства через дерегулирование и субсидии на активизацию инновационной деятельности [5]. Китайские исследователи анализируют пространственное развитие экономики и уровень жизни административно-территориальных единиц и констатируют значительные различия, которые предлагается нивелировать через разработку стратегий регионального развития и систему социального обеспечения бедных слоев населения [6–8].

Большой опыт выравнивания уровней пространственного развития регионов накоплен в европейских странах. Так, М. Рива, С. Кергис, Л. Гаувин и Д. Фэгг, а также Н. Блэк, К. Скотт, М. Шаксмит исследовали масштабы неравенства в городских и сельских районах Англии, влияние на отдельные демографические группы, необходимые изменения в политике [9; 10].

К. Антунес, Б. Баккаиани, М. Геруа и Р. Изебаэрт изучают неравенство и территориальные разногласия во Франции с ее новыми регионами. Авторы отмечают необходимость усиления координации действий субъектов регулирования и учета особенностей социально-экономических процессов муниципалитетов, а к числу важнейших методов стратегического управления относят территориальное зонирование [11]. Испанский опыт обобщен в книге Х. Р. Куадрато-Роура «Региональная политика, экономический рост

<sup>6</sup> Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.



и конвергенция: уроки испанского опыта» относительно применяемой региональной политики, ее целей, инструментов и эффектов. Интерес представляет функционирование фондов с разной направленностью деятельности, например, Межтерриториального компенсационного фонда, стимулирующего рост доходов населения наименее развитых регионов [12].

В определенной мере образцом для верификации различных теоретических подходов к региональному развитию стал Европейский союз, который имеет очень развитую модель регионализма. Однако Л. Фосетт справедливо отмечает, что современный мир настолько сложен, неоднороден, разнообразен, поэтому использовать единый подход нельзя и нужно постоянно разрабатывать новый инструментарий регионального развития [13].

Рассматривая пространственное развитие регионов России в парадигме устойчивого развития как эколого-социально-экономические системы<sup>7</sup>, С. А. Иванов и В. В. Ложко, опираясь на труды П. Сорокина<sup>8</sup> и П. Бурдые<sup>9</sup>, подчеркивают важность социальных отношений, поскольку в развитии регионов многое зависит от регионального социума, выбора целей и усилий по их достижению, экономическому поведению [14, с. 22].

Центральными вопросами исследования социологов является тема социального неравенства и проблема социальной справедливости. Так, академик М. К. Горшков считает, что социальная дифференциация предопределяет «...неравенство жизненных шансов отдельных индивидов, социальных групп, слоев, классов, а также возможностей удовлетворения ими актуальных и разнообразных по характеру и источникам происхождения потребностей» [15, с. 25]. В. Д. Зорькин социальное неравенство в стране признает нарушением конституционного принципа социального государства, предполагающего создание равных возможностей для всех членов общества. Преодоление социальной несправедливости – одна из важнейших задач государства, реализуемых в рамках социальной политики<sup>10</sup>.

А. Ю. Шевяков обращает внимание на то, что неравенство может быть нормальным и избыточным [16]. Нормальное неравенство не препятствует реализации социально и экономически значимых человеческих функций, оно даже необходимо для экономического роста. Избыточное неравенство при высоком уровне дифференциации доходов негативно влияет на экономический рост [17].

Таким образом, как зарубежные, так и российские исследователи отмечают объективный характер пространственного социально-экономического неравенства, оценивая его на макро- и мезоуровне (для России это федеральные

<sup>7</sup> Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. С. 24.

<sup>8</sup> Сорокин П. А. Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992. 193 с.

<sup>9</sup> Бурдые П. Социология политики / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко: пер. с фр. Е. Д. Вознесенской. М.: Socio-Logos, 1993. С. 39.

<sup>10</sup> Зорькин В. Стандарт справедливости // Российская газета. Федеральный выпуск. 2007. 8 июня. URL: <https://rg.ru/2007/06/08/zorkin.html> (дата обращения: 25.01.2021).



округа и субъекты Федерации). Менее изученным остается локальный уровень, где дифференциация экономики и системы жизнеобеспечения населения может быть более существенной, а возможности для развития ограниченными. Применяемые инструменты государственной экономической и социальной политики не приводят к выравниванию развития территорий, поскольку в полной мере воспользоваться ими могут регионы-лидеры, а аутсайдеры часто не соответствуют предъявляемым требованиям, например, для участия в федеральных целевых программах и проектах. Система социальной поддержки ориентирована на минимальный уровень удовлетворения жизненно важных потребностей наиболее уязвимых слоев населения и эффективность бюджетных расходов, что приводит к дискриминации прав граждан по месту жительства (на труд, медицинскую помощь, образование и т. д.). Для устойчивого пространственного развития на субрегиональном уровне необходимо применение инструментов государственной поддержки адекватных сложившимся условиям и тенденциям развития муниципальных образований, способных содействовать решению острых местных проблем. Это диктует необходимость разработки методологии стратегического пространственного развития регионов как на макро- и мезо-, так и на локальном уровне, базирующейся на оценке социально-экономического неравенства территорий и методов преодоления избыточной дифференциации в основных элементах системы жизнеобеспечения населения.

**Материалы и методы.** В качестве объекта исследования выбрана Республика Мордовия, которая по данным Росстата является сравнительно небольшим регионом Приволжского федерального округа: по территории (26,2 тыс. км<sup>2</sup>) и численности населения (790,2 тыс. чел.) она занимает соответственно 68 и 61 позиции среди регионов России. В рейтинге социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, ежегодно составляемом рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня»<sup>11</sup>, положение Мордовии изменилось с 67 позиции в 2017 г. до 59 в 2019 г. По данным этого агентства, в рейтинге регионов по демографии за 2016–2018 гг. Мордовия заняла 54 место, в рейтинге по качеству жизни в 2019 г. – 51 место. О проблемах и реальных возможностях развития республики дает представление Индекс конкурентоспособности регионов, разрабатываемый Консорциумом Леонтьевский центр – AV Group<sup>12</sup>, по которому в 2018–2019 гг. она занимала 63 место. Финансовые ресурсы региона ограничены: доходы консолидированного бюджета в 2019 г. на 40 % состоят из безвозмездных поступлений, а уровень долговой нагрузки (отношение госдолга к налоговым и неналоговым доходам бюджета) самый высокий в стране – 211,2 %.

<sup>11</sup> Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] / Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня». URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html> (дата обращения: 17.01.2021).

<sup>12</sup> Индекс конкурентоспособности регионов [Электронный ресурс] / Консорциум Леонтьевский центр – AV Group. URL: <http://lc-av.ru/2020/05/21/ezhegodnoe-issledovanie-lc-av-indeks-konkurentosopnosti-regionov-rossii-av-rci-2020/> (дата обращения: 15.01.2021).





Перспективы экономического роста республики зависят от эффективного развития инноваций и человеческого капитала. В рейтинге Инновационных регионов России Мордовия занимает 13 место и является средне-сильным инноватором. Однако исследование инновационной деятельности, проведенное Н. Н. Семеновой, В. И. Чугуновым и Р. А. Коломасовой, свидетельствует об ухудшении ситуации за 2014–2018 гг., например, произошло снижение доли отгруженной инновационной продукции на 9,7 %, а инновационной активности организаций – на 4,1 %, а также хронически недофинансируется региональная программа научно-инновационного развития (в среднем она финансируется на 93,1 %) [18].

Сложное социально-экономическое положение Республики Мордовия и острая необходимость существенной корректировки региональной политики в части пространственного развития обусловили предмет исследования – оценку социально-экономического неравенства муниципальных образований и обоснование инструментов преодоления его избыточного уровня. Система местного самоуправления состоит из 1 городского округа, 22 муниципальных районов, включающих 16 городских и 256 сельских поселений. Система расселения республики на 1 января 2020 г. представлена 7 городами, 13 поселками городского типа и 1 237 сельскими населенными пунктами.

Исследование проведено на основе открытых данных статистики, программных документов, аналитических отчетов и докладов органов исполнительной власти, а также паспортов и стратегий социально-экономического развития до 2025 г. муниципальных образований Республики Мордовия. Трудности в исследовании и оценке уровня дифференциации социально-экономического развития муниципалитетов связаны с неполным представлением необходимых статистических показателей, недостатками методик счета отдельных показателей (например, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций не включает работников малых и микропредприятий, в то время как они в ряде муниципальных районов составляют основу экономики), субъективной зависимостью показателей и оценок в отчетности органов публичной власти (не совпадающих с официальными данными статистики), что затрудняет проведение анализа и обеспечение достоверности выводов и предложений. В предыдущих наших исследованиях был изучен обширный список показателей, применяемый в практике тактического и стратегического управления муниципальными образованиями, но в статье использован ограниченный их набор, характеризующий демографическую, экономическую и социальную дифференциацию муниципалитетов и доступный в источниках ежегодной статистики<sup>13</sup>.

<sup>13</sup> Стратегическое управление устойчивым развитием муниципальных территорий: моногр. / Е. Г. Коваленко, Т. М. Полушкина, О. Ю. Якимова [и др.]. Саранск: Издатель Афанасьев В. С., 2020. 168 с.



В ходе исследования применен метод системного анализа, с помощью которого муниципальные образования рассмотрены как обособленные административно-территориальные единицы, обладающие определенным потенциалом и особенностями развития, законодательно определенными полномочиями управления территориями, но представляющие элементы единой системы субъекта Российской Федерации и страны в целом, действующие в рамках присущих им закономерностей функционирования. С помощью сравнительного анализа муниципалитеты республики были ранжированы в зависимости от демографической ситуации, уровня экономического и социального развития, измерено пространственное неравенство на основе расчетов размаха вариации, коэффициентов вариации и осцилляции. Авторы осознанно использовали простые методы расчета, отказавшись также от эконометрических методов анализа ввиду их многофакторности и невозможности адекватно объяснить результаты эконометрических расчетов. Метод группировок обеспечил комплексную оценку социально-экономического развития муниципальных образований, позволил сформировать 3 группы, существенно различающиеся по возможностям устойчивого развития в рамках действующей в стране системы государственного регулирования: от имеющих потенциал для развития до депрессивных, требующих экстраординарных мер поддержки.

На основе проведенного анализа, а также оценки введенных в действие в 2018 г. стратегий социально-экономического развития муниципальных районов республики до 2025 г., авторами обоснована необходимость их корректировки в части определения приоритетов и механизмов реализации по решению проблем стабилизации численности населения, акселерации малого бизнеса и выравнивания социального положения граждан. Преодоление отставания депрессивных муниципалитетов от среднереспубликанского уровня предложено через активизацию применения таких инструментов государственного регулирования, которые обеспечат желаемый результат (например, грантовая поддержка инициатив граждан и некоммерческих организаций, оказание социальной помощи через социальные контракты и др.), взаимодействие власти, бизнеса и населения, повышение результативности деятельности органов местного самоуправления.

**Результаты исследования.** Национальные цели социально-экономического развития России – увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, определенные Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», являются ориентирами деятельности всех органов публичной власти<sup>14</sup>. Их достижение на всем пространстве

<sup>14</sup> О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 (с изменениями и дополнениями от 21.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 20.01.2021).



нашей огромной страны должно учитывать особенности территорий (географические, природные, демографические, этнические, экономические и др.), состояние и тенденции развития экономики и социальной сферы, наличие острых проблем и возможностей их самостоятельного решения.

Контрастность Российской Федерации объясняется ее масштабами, природно-климатическим разнообразием, многонациональным и многоконфессиональным населением. Однако она присутствует даже в небольших периферийных территориях, на первый взгляд кажущихся однородными. Оценим пространственное неравенство Республики Мордовия по показателям заселенности и транспортной взаимосвязанности территорий муниципальных образований (табл. 1). Диапазон различий представим через максимальные и минимальные значения показателей и расчет коэффициентов вариации и осцилляции, позволяющих оценить величину разброса отклонений значений конкретного индикатора от его средней величины и судить о масштабах его неоднородности по территориям. Напомним, что однородной совокупность данных принято считать при значении коэффициента вариации менее 33 %.

**Таблица 1. Характеристика пространственного неравенства по муниципальным образованиям Республики Мордовия (на 1 января 2020 г.)<sup>15</sup>**

**Table 1. Characteristics of spatial inequality in the municipalities of the Republic of Mordovia (as of 1 January 2020)**

Показатель / Indicator	Абсолютные значения / Absolute values		Коэффициент вариации <sup>16</sup> , % / Coefficient of variation, %	Коэффициент осцилляции <sup>17</sup> , % / Coefficient of oscillation, %
	макс. / max.	мин. / min.		
1	2	3	4	5
Территория, км <sup>2</sup> / Territory, square kilometers	2 117	383	195,5	152,6
Плотность населения на 1 км <sup>2</sup> , чел. / Population density per 1 square kilometer, people	913,2	6,7	612,2	3 001,6
Расстояние от г. Саранска до районного центра, км / Distance from the city of Saransk to the district center, kilometers	216	12	57,8	212,5

<sup>15</sup> Рассчитано по: Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2020. 438 с.

<sup>16</sup> Коэффициент вариации – процентное соотношение среднего квадратического отклонения и средней.

<sup>17</sup> Коэффициент осцилляции – процентное отношение размаха вариации (абсолютной разницы между максимальным и минимальным значениями) к средней.



Окончание табл. 1 / End of table 1

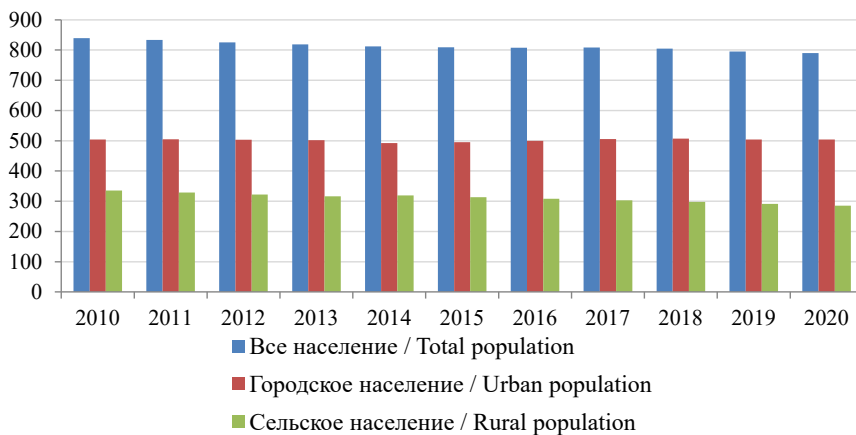
1	2	3	4	5
Численность постоянного населения, тыс. чел. / Resident population, thousand people	337,2	7,1	199,8	962,4
Доля сельского населения в общей численности, % / Share of the rural population in the total number, %	2,3	100,0	127,5	270,6
Средняя людность городов, чел. / Average population of towns, people	320 612	5 778	62,4	531,5
Средняя людность поселков городского типа, чел. / Average population of urban-type settlements, people	6 973	4 017	31,7	42,8
Количество сельских населенных пунктов, ед. / Number of rural settlements, units	107	13	42,6	174,1
Средняя людность сельских населенных пунктов, чел. / Average population of rural settlements, people	388	75	55,9	135,5
Плотность автодорог местного значения, км на 1 000 км <sup>2</sup> / Density of local roads, kilometers per 1,000 square kilometers	1 932	168	113,4	14 200,0
Доля протяженности автодорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, % / Share of the length of local roads that do not meet regulatory requirements, %	4,2	97,9	28,9	144,6

Приведенные показатели позволяют констатировать высокую степень неоднородности муниципальных территорий. Исключение составляют только показатели средней людности поселков городского типа и доли протяженности автодорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, последний из которых свидетельствует о негативности общей ситуации. В настоящее время средняя людность поселков городского типа в республике составляет 6 914 чел. и за последние пять лет она сократилась почти на 5 % (причем во всех без исключения населенных пунктах этого типа). Относительно второго показателя следует отметить, что среднее его значение по



республике составляет 64,8 %, а более низкая доля не отвечающих нормативным требованиям местных автодорог зафиксирована только в 5 муниципальных образованиях, что свидетельствует об однородности всей совокупности в общей неблагоприятной ситуации.

Одной из острых проблем Мордовии остается сокращение постоянного населения, которое происходит уже более 50 лет, и за 1970–2020 гг. привело к его убыли почти на 243 тыс. чел., или на 23,5 %. С 2010 г. этот показатель уменьшился на 5,8 % за счет сокращения сельского населения на 49,5 тыс. чел., или на 14,8 %, в то время как городское население возросло на 500 чел. (рис. 1).



Р и с. 1. Численность постоянного населения, тыс. чел.

F i g. 1. Resident population, thousand people

По муниципальным образованиям демографическая ситуация существенно различается от неблагоприятной до экстремально критической. Анализ тенденций за последние 10 лет свидетельствует о постоянном ее ухудшении по всем муниципальным территориям. Об этом можно судить по общим коэффициентам естественного и миграционного прироста (убыли), рождаемости и смертности, нагрузки нетрудоспособного населения на трудоспособное, а также по условному коэффициенту депопуляции (УКД), рассчитываемому как отношение числа умерших к числу родившихся. Представим эти показатели в таблице 2, предварительно сгруппировав муниципальные образования по УКД, рассчитанному в среднем за 2017–2019 гг. (для сглаживания резких годовых колебаний коэффициентов).

Таблица 2. Демографические показатели по группам муниципальных образований Республики Мордовия (2019 г.)  
 Table 2. Demographic indicators by groups of municipalities of the Republic of Mordovia (2019)

Муниципальный район / Municipal district	УКД / CDR*	Общие коэффициенты (в расчете на 1 000 чел.) / General rates (per 1,000 people)					Коэффициент нагрузки на трудоспособное население / Rate of the workload of working-age population
		Коэффициент естественного прироста / Natural growth rate	Коэффициент миграцион- ной убыли / Migration loss rate	Коэффициент рождаемости / Birth rate	Коэффициент смертности / Mortality rate		
1	2	3	4	5	6	7	
<i>1-я группа с неблагоприятной демографической ситуацией (УКД до 2,00) / Group 1 group with a disadvantaged demographic situation (CDR under 2.00)</i>							
1. г. Саранск / Urban District of Saransk	1,22	-1,9	7,2	8,5	10,4	669	
2. Лямбирский / Lyambir District	1,97	-6,0	-0,4	6,2	12,2	825	
3. Ромодановский / Romodanovo District	1,20	-2,2	-10,4	10,9	13,1	806	
4. Рузаевский / Ruzaevka District	1,91	-6,8	-3,5	7,5	14,3	802	
5. Торбеевский / Torbeevo District	1,42	-3,5	-3,6	8,3	11,8	738	
6. Чамзинский / Chamzinka District	2,09*	-8,4	-1,1	7,7	16,1	857	
В среднем по группе / Group average	1,39	-3,2	3,0	8,3	11,5	712	
<i>2-я группа с критической демографической ситуацией (УКД от 2,01 до 2,99) / Group 2 with a critical demographic situation (CDR from 2.01 to 2.99)</i>							
1. Атюрьевский / Atyurevo District	2,24	-9,4	-10,8	7,6	17,0	827	



Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2	3	4	5	6	7
2. Атышевский / Atyashevo District	2,38	-10,2	-10,7	7,4	17,6	941
3. Дубенский / Dubyonki District	3,72*	-15,8	-18,2	5,8	21,6	1 095
4. Зубово-Полянский / Zubova Polyana District	2,16	-5,9	-7,2	5,1	11,0	529
5. Инсарский / Insar District	2,12	-9,3	-15,3	8,3	17,6	932
6. Ичалковский / Ichalki District	2,54	-10,8	-7,9	7,0	17,8	840
7. Кадлошкинский / Kadoshkino District	3,66*	-14,9	-17,7	5,6	20,5	935
8. Ковылкинский / Kovylikino District	1,88	-6,9	-7,3	7,8	14,7	819
9. Кочкуровский / Kochkurowo District	2,29	-8,8	-5,7	6,8	15,6	905
10. Краснослободский / Krasnoslobodsk District	3,04*	-11,2	-7,5	5,5	16,7	867
11. Старошайговский / Staroye Shaygovo District	2,58	-9,3	-10,6	5,9	15,2	791
В среднем по группе / Group average	2,38	-9,0	-9,4	6,5	15,5	772
<i>3-я группа с экстремально критической демографической ситуацией (УКД более 3,00) / Group 3 with an extremely critical demographic situation (CDR over 3,00)</i>						
1. Ардатовский / Ardatov District	4,00	-13,5	-12,4	4,5	18,0	910
2. Большеберезниковский / Bolshiyе Berezniki District	3,51	-14,3	-3,1	5,7	20,0	1 020



Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7
3. Большегнатовский / Bolshoye Ignatovo District	3,46	-12,3	-15,2	5,0	17,3	939
4. Ельниковский / Yelniki District	4,33	-15,0	-4,6	4,5	19,5	864
5. Темниковский / Temnikov District	3,39	-14,8	-16,6	6,2	21,0	1 044
6. Теньгушевский / Tengushevo District	3,48	-13,9	-9,4	5,6	19,5	770
<i>В среднем по группе / Group average</i>	<i>3,73</i>	<i>-14,2</i>	<i>-10,8</i>	<i>5,2</i>	<i>19,4</i>	<i>925</i>
<i>В среднем по региону / Regional average</i>	<i>1,76</i>	<i>-5,7</i>	<i>-1,0</i>	<i>7,5</i>	<i>13,2</i>	<i>745</i>

\* Условный коэффициент депопуляции по районам в среднем за 2017–2019 гг. составили: Чамзинский – 1,72, Дубенский – 2,66, Кадлошкинский – 2,64, Краснослободский – 2,57 / The conditional depopulation rate (CDR) for the districts on average for 2017–2019: Chamzinka District – 1,72, Dubyonki District – 2,66, Kadoshkino District – 2,64, Krasnoslobodsk District – 2,57.





Для оценки демографической безопасности страны и отдельных регионов российскими учеными обоснованы пороговые значения основных показателей. Например, А. В. Калина и И. П. Савельева определяют их по коэффициентам естественного и миграционного прироста на уровне не менее 0, рождаемости – не менее 10,0 и смертности – не более 10,0, УКД – не более 1 [19]. С. Ю. Глазьев и В. В. Локосов предельно критическим значением демографической нагрузки на трудоспособное население обозначают 600 в расчете на 1 000 чел. [20]. Как видно из приведенных в таблице 2 данных, фактические коэффициенты существенно превышают пороговые значения как в среднем по республике, так и во всех муниципальных образованиях. Их группировка демонстрирует нарастание кризисности демографической ситуации – от неблагоприятной до экстремально кризисной. К 1 группе с неблагоприятной демографией относятся 6 муниципальных образований, включая г. о. Саранск, с общей численностью 511,8 тыс. жителей (65 %), ко 2-й группе с кризисной ситуацией – 11 муниципальных районов с 204 тыс. жителей (26 %) и к 3-й группе с экстремально кризисной демографией – 6 муниципалитетов с 74,5 тыс. населения (9 %). Очевидно, что для обеспечения демографической безопасности большинству муниципальных образований и республике в целом необходима активная политика народосбережения. Если для муниципалитетов 1 группы проводимая социальная политика, направленная на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми, может дать положительный демографический эффект, то в 3 группе эти меры не сработают из-за низкой доли населения детородного возраста, поэтому необходимо всемерно способствовать привлечению молодых специалистов и переселению соотечественников.

Демографические процессы являются базовыми для формирования человеческого капитала, экономического развития и конкурентоспособности территории, а с другой стороны – это индикатор условий и способности устойчивого развития конкретного муниципального образования относительно других. Это положение подтверждает система средних значений экономических показателей, рассчитанная по демографическим группам муниципальных образований республики (табл. 2), приведенная в таблице 3. По уровню экономического развития и специализации 1-я группа является развитой индустриально-аграрной, 2-я – среднеразвитой аграрно-промышленной, 3-я – низко развитой с преобладанием аграрной экономики.

Доля 1-й группы в общем по республике объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по промышленности составила 83 %, 2-й – около 15 %, 3-й – меньше 2 %. Как видно из таблицы 3, превышение этого среднедушевого показателя 1-й группы над 2-й составило 2,2 раза, над 3-й – 11,2 раза, а 2-й над 3-й – 5,2 раза. В производстве сельскохозяйственной продукции удельный вес групп следующий: 1-я – 53 %, 2-я – 37 %, 3-я – 10 %. Однако по среднедушевому производству лидирует 2-я группа с превышением над 1-й в 1,7 раза, над 3-й – в 1,3 раза.

Таблица 3. Показатели экономического развития по группам муниципальных образований (в среднем за 2017–2019 гг.)<sup>18</sup>

Table 3. Indicators of economic development by groups of municipalities (on average for 2017–2019)

Показатель / Indicator	Группы муниципальных образований по УКД / Groups of municipalities according to CDR			В среднем по Республике Мордовия / On average in the Republic of Mordovia
	1	2	3	
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по промышленности в расчете на 1 жителя, тыс. руб. / Volume of shipped goods of own production, works and services performed on their own in the industry, per 1 resident, thousand rubles	271,4	125,4	24,3	226,3
Объем производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий в расчете на 1 жителя, тыс. руб. / Volume of agricultural production in farms of all categories per 1 resident, thousand rubles	62,4	105,8	83,4	75,8
Объем инвестиций в основной капитал в расчете на 1 жителя, тыс. руб. / Volume of investment in fixed assets per 1 resident, thousand rubles	63,8	46,0	19,2	53,6
Собственные доходы без перечислений из бюджетов других уровней и внебюджетных фондов в расчете на 1 жителя, тыс. руб. / Own revenues without transfers from budgets of other levels and off-budget funds per 1 resident, thousand rubles	7,3	4,9	3,8	6,4
Число субъектов МСП в расчете на 10 тыс. чел., ед. / Number of small and medium-sized enterprises per 10 thousand people, units	264	165	165	228

Следует отметить, что в 1-ю группу входят муниципальные образования, на территории которых функционируют крупные промышленные предприятия и агрофирмы (например, 2 крупных птицефабрики в Лямбирском районе), во 2-й группе осуществляют деятельность предприятия пищевой промышленности, в численности которых преобладают средние и малые субъекты хозяйствования, в то время как в 3-й группе муниципалитетов основную роль в экономике играют малые, микропредприятия и индивидуальные предприниматели.

<sup>18</sup> Рассчитано по: Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2020. 438 с.



По числу субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. лидирует 1-я группа с превышением над 2-й и 3-й в 1,6 раза. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства за последние три года в 1-й группе возросло на 32,4 %, а в 3-й – сократилось на 3,4 %. Неустойчивость малого бизнеса для районов 3-й группы объясняется практической недоступностью для большинства из них инвестиционных ресурсов, о чем свидетельствует объем инвестиций в основной капитал в расчете на 1 жителя, который в 3-й группе равен 19,2 тыс. руб., что меньше среднего республиканского значения в 2,8 раза, а в сравнении с 1-й группой – в 3,3 раза. Это сказывается на темпах экономического развития муниципалитетов и находит отражение в показателе собственных доходов местного бюджета (без перечислений из бюджетов других уровней и внебюджетных фондов) в расчете на 1 жителя, значения которого фиксируют тенденцию снижения от 1-й группы к 3-й в 1,9 раза.

Тесную взаимосвязанность социальных процессов от демографических и экономических демонстрируют показатели таблицы 4, рассчитанные по выделенным выше группам и обусловленные как отраслевой структурой экономики, так и численностью и размерами действующих хозяйствующих субъектов, обеспечивающих занятость и доходы населения.

Т а б л и ц а 4. Показатели социального развития по группам муниципальных образований (2019 г.)<sup>19</sup>

Table 4. Indicators of social development by groups of municipalities (2019)

Показатель / Indicator	Группы муниципальных образований по УКД / Groups of municipalities according to CDR			В среднем по Республике Мордовия / On average in the Republic of Mordovia
	1	2	3	
1	2	3	4	5
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб. / Average monthly nominal accrued salary of employees, rubles	33 434	24 059	23 550	30 596
Средний размер назначенных пенсий пенсионеров, состоящих на учете в отделении Пенсионного фонда России, руб. / Average assigned pensions of the pensioners registered with a branch of the Pension Fund of the Russian Federation, rubles	14 066	12 858	12 715	13 593
Соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума, % / Ratio of per capita monetary income to the subsistence minimum, %	225,7	169,0	153,1	216,9

<sup>19</sup> Рассчитано по: Мордовия: Стат. ежегодник.



Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5
Доля детей в возрасте 1–6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу в дошкольном образовательном учреждении, % / Share of children aged 1–6 receiving preschool educational services at preschool educational institutions, %	78,6	64,8	59,5	77,4
Площадь жилья в расчете на 1 жителя, м <sup>2</sup> / Housing area per 1 resident, square meters	25,9	32,8	34,2	28,5

Из пяти приведенных показателей, четыре фиксируют снижение значений от 1-й группы к 3-й: по заработной плате работников организаций – на 42,0 %, по среднему размеру назначенных пенсий пенсионеров – на 10,6 %, по соотношению среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума – на 72,6 %, по доле детей дошкольного возраста 1–6 лет в дошкольных образовательных учреждениях – на 19,1 %. По первым трем показателям различия объясняются отраслевой структурой и размерами субъектов хозяйственной деятельности. Наличие на территории муниципальных образований крупных промышленных, строительных и транспортных предприятий, финансовых организаций с более высокой заработной платой сотрудников обеспечивает лидерство 1-й группы. В малом и микробизнесе оплата труда часто минимально допустимая, а доходы предпринимателей неустойчивы, что и демонстрирует показатель соотношения среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума, который в 3-й группе на 72,6 % ниже, чем в 1-ой, и на 63,8 % ниже среднего республиканского значения. Следует подчеркнуть, что уровень средней номинальной заработной платы работников в большинстве муниципальных районов 2-й и 3-й группы связан с бюджетными организациями социальной сферы; он обеспечивается и контролируется исполнением Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Из показателей таблицы 4 рост от 1-й группы к 3-й происходит только по площади жилья в расчете на 1 жителя (на 32,1 %), что связано как с реализацией мероприятий по жилищному строительству в рамках государственной программы устойчивого развития сельских территорий, так и в немалой степени с естественной и миграционной убылью населения в районах 2-й и 3-й групп.

Проведенный анализ позволяет констатировать высокий уровень социально-экономического неравенства муниципальных образований, что является свидетельством недостаточной эффективности региональной политики, инструменты которой в большей степени стимулируют «точки роста» и муниципалитетов-лидеров, обеспечивающих положительную динамику общих показателей развития субъекта Российской Федерации, но не срабатывают



у аутсайдеров, способствуя углублению дифференциации между ними. Вывод очевиден: для проблемных территорий в соответствии с их особенностями необходимо изменение условий применения отдельных инструментов государственной поддержки (если это возможно) или увеличение масштабов тех методов, которые реально способствуют активизации экономики и социальной поддержке населения.

**Обсуждение и заключение.** Один из принципов «Основ государственной региональной политики Российской Федерации на период до 2025 года»<sup>20</sup> диктует необходимость дифференцированного подхода к методам государственного регулирования развития территорий в зависимости от их социально-экономических особенностей. Очевидно, что каждому субъекту Российской Федерации необходима Стратегия пространственного развития до 2030 (2035) г., позиционирующая проблемы развития отдельных территорий региона и определяющая цели, задачи и методы их решения. При этом важно понимание, что каждое муниципальное образование является сложной социально-экономической системой со своей реакцией на влияние внешней среды и происходящих изменений, управленческой квалификацией должностных лиц в органах публичной власти. В настоящее время используемые меры государственного регулирования развития административно-территориальных единиц являются унифицированными и не учитывают особенности пространственного развития территорий и их потенциала, кроме того имеет место несогласованность действий разных исполнительных органов управления (как по отраслям, так и по уровням). Отметим, что эффективное регулирование внутрирегиональной дифференциации невозможно без достоверной, достаточной и своевременной информации по процессам пространственного развития региона в разрезе не только городских округов и муниципальных районов, но и отдельных поселений и населенных пунктов. Это диктует необходимость в системе социально-экономического мониторинга существенно расширить пространственный аспект за счет предоставления системы показателей по заселенности и демографической ситуации, потенциалу территорий и их освоенности, социальной комфортности среды проживания, общественной и экологической безопасности, неравенству и бедности населения, в том числе с отражением в картографическом материале.

Наиболее сложной задачей выравнивания экономического развития муниципалитетов является преодоление кризисных явлений депрессивных территорий, проявляющихся в сужении возможностей воспроизводственного процесса в основных отраслях и постепенной деградации ресурсного, хозяйственного и социального потенциалов [21, с. 38]. Очевидно, что простых

<sup>20</sup> Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/) (дата обращения: 01.02.2021).



и быстрых решений их проблем не существует, необходимо пристальное внимание к ним органов публичной власти как в части стратегического пространственного планирования, так и контроля за достижением намеченных планов. Основные направления и инструменты преодоления социально-экономического неравенства муниципальных образований за счет сокращения отставания депрессивных территорий (3-й группы муниципалитетов республики) представлены на рисунке 2.

Государственное регулирование регионального социально-экономического развития муниципальных образований в настоящее время осуществляется преимущественно через государственные, региональные и ведомственные программы, участие в которых, как правило, предполагает их софинансирование со стороны местного бюджета и собственных средств участников проектов, что для некоторых локальных территорий становится непреодолимым препятствием. Однако целевые программы охватывают не весь спектр острых проблем муниципальных территорий, к числу которых относится демографическая. В Мордовии она в некоторой степени нашла отражение в муниципальных стратегиях социально-экономического развития до 2025 г. в виде анализа демографической ситуации и определения целевых показателей на перспективу (численности населения, коэффициентов рождаемости и смертности), незначительно сокращающих кризисные тенденции без обоснования мероприятий. На наш взгляд, для муниципалитетов 2-й и 3-й групп необходима разработка программ стабилизации численности населения (в рамках стратегий или отдельных документов) с альтернативными сценариями решения проблемы и приоритетными направлениями действий.

Как показал анализ экономического развития депрессивных регионов, в отсутствии крупных и даже средних предприятий для них необходимо активное стимулирование развития малого бизнеса, сохранения и создания новых рабочих мест для закрепления кадров, привлечения инвесторов. Внимание органов власти должно быть направлено на акселерацию предпринимательства всех видов и организационно-правовых форм за счет финансовой, информационной, консультационной и культурно-просветительской поддержки. Без этого невозможно повысить уровень жизни и сократить депопуляцию населения, обеспечить рост доходов местного бюджета.

Считаем справедливой позицию Н. В. Зубаревич о необходимости сокращения социального неравенства регионов через поддержку молодых специалистов в экономике и сферах здравоохранения и образования, развития системы непрерывного образования, более масштабную адресную поддержку уязвимых групп населения<sup>21</sup>.

<sup>21</sup> Зубаревич Н. В. Государственное управление в пространстве Российской Федерации: коридор возможностей // Государство. Общество. Управление: сб. ст. М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 339–357. URL: <https://iphras.ru/uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).



Р и с. 2. Механизм преодоления социально-экономического неравенства муниципальных образований за счет сокращения отставания депрессивных территорий

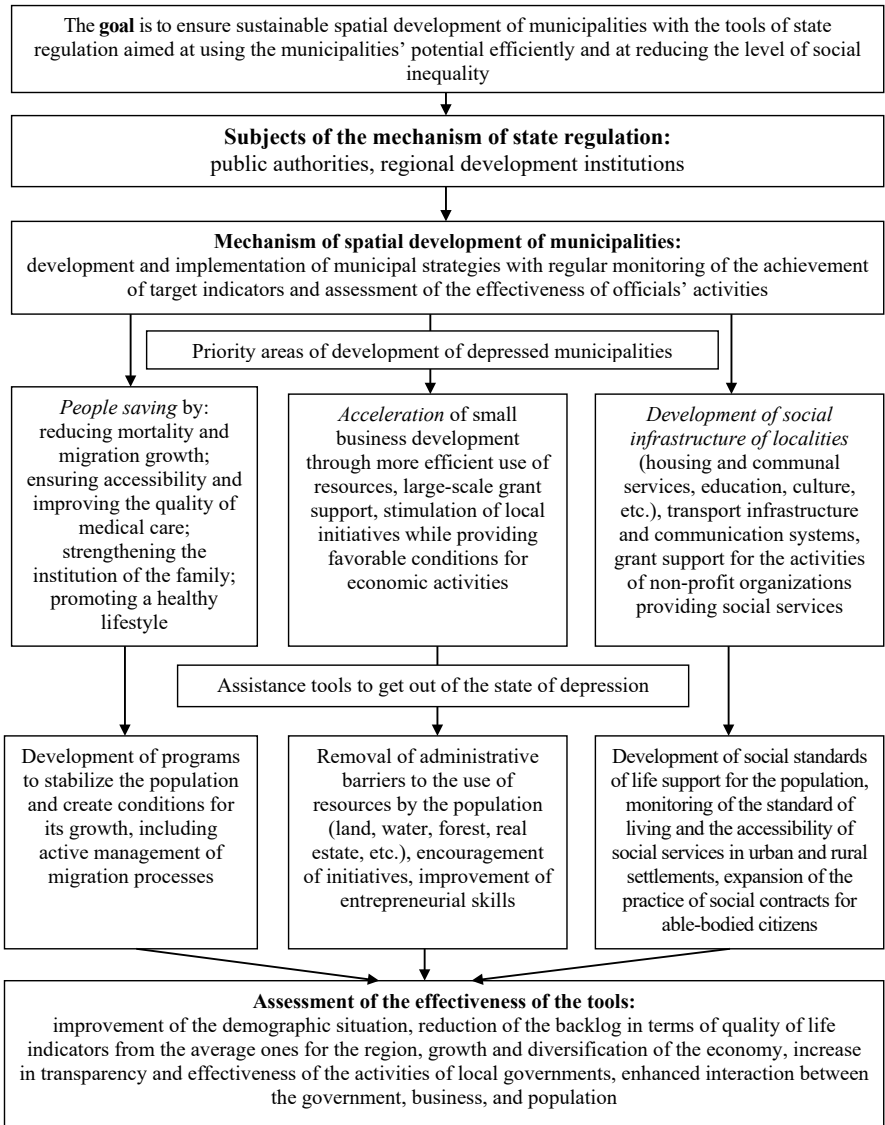


Fig. 2. The mechanism to overcome the socio-economic inequality of municipalities by reducing the backlog of the economically depressed territories





Проведенные исследования позволяют констатировать, что уровень бедности в депрессивных муниципалитетах существенно выше и затрагивает часто работающих граждан (например, в сельском хозяйстве и индивидуальных предпринимателей) и семьи с детьми. Имеющим право на социальную помощь трудоспособным гражданам она должна оказываться в форме социального контракта, обеспечивая их адаптацию и выход из трудных жизненных ситуаций. Эта форма социальной поддержки требует больших усилий от органов социальной защиты населения и применяется недостаточно широко.

Важным институтом пространственного развития, обеспечивающим конституционные социальные гарантии, являются социальные стандарты жизни и жизнеобеспечения населения, представляющие собой комплекс законодательно установленных нормативов в отраслях социальной сферы (здравоохранении, образовании, культуре, социальной защите населения и др.), обеспечивающих доступность социальных услуг для населения. Следует отметить, что во многих регионах вообще отсутствуют нормативно-правовые акты в области социальной стандартизации (в их числе и Республика Мордовия), исключение составляют Республика Карелия, Республика Татарстан, Самарская область и Ямало-Ненецкий автономный округ. Это не фиксирует внимание органов региональной исполнительной власти на необходимости предоставления социальных благ хотя бы на минимально допустимом уровне всем гражданам подведомственных территорий, что и приводит к сохранению и даже углублению их неравенства. Выравнивание социального обслуживания населения требует введение в муниципальную практику социальных стандартов жизни и жизнеобеспечения населения.

Решение территориальных проблем и реальное снижение отставания депрессивных муниципалитетов по основным параметрам социального развития требуют согласования интересов и налаживания эффективного взаимодействия между властью, бизнесом и населением через активизацию деятельности институтов развития (ГЧП и МЧП) и гражданского общества (например, некоммерческих организаций) [22]. Деятельность некоммерческих организаций направлена на оказание помощи людям при выходе из трудных жизненных ситуаций, обеспечение защиты интересов граждан, предоставление социальных услуг и др. Они привлекают дополнительные финансовые ресурсы на развитие территорий, в том числе через участие в конкурсах грантов различных фондов (например, в Мордовии в 2020 г. ими было привлечено 3,7 млн руб.). Количество инициативных граждан, участвующих в конкурсах и реализующих социальные проекты, можно существенно увеличить. Для этого от органов власти необходимо понимание места и значения НКО в развитии территории, дополнение муниципальных стратегий с учетом их деятельности. Кроме того, возрастают возможности для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, независимо от места проживания при условии организации прозрачной и эффективной системы взаимодействия с органами местного самоуправления.



Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в Республике Мордовия исторически сложилось и продолжает сохраняться избыточное социально-экономическое неравенство муниципальных образований, на котором не акцентируется внимание органов регионального и муниципального управления и не учитывается ими при принятии тактических и стратегических управленческих решений. Состав применяемых инструментов государственного регулирования развития муниципалитетов обширен и в силу объективных и субъективных различий между ними должен подбираться индивидуально, согласно специфическим особенностям и возможной результативности.

На основании анализа показателей демографического, экономического и социального состояния выявлены 3 группы муниципальных образований: развивающиеся, с неустойчивым развитием и депрессивные. Представленные приоритетные направления и инструменты государственного регулирования муниципального развития для депрессивных территорий могут быть использованы при корректировке муниципальных стратегий социально-экономического развития, оценке прозрачности и результативности деятельности органов местного самоуправления. Эти результаты могут стать основой для совершенствования пространственной политики на субрегиональном уровне. В целом статья может быть полезна специалистам в области государственного и муниципального управления, представителям научного сообщества, интересующимся вопросами пространственного развития регионов.

#### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Toward a New Social Contract. Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia. Europe and Central Asia Studies / М. Bussolo, М. Dávalos, V. Peragine, R. Sundaram. – Washington, DC : World Bank, 2018. – 251 p. – URL: <https://www.amazon.com/Toward-New-Social-Contract-Distributional/dp/1464813531> (дата обращения: 21.01.2021).
2. Зубаревич, Н. В. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафонов // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 6. – С. 15–26. – URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26\\_Zubarevich.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26_Zubarevich.pdf) (дата обращения: 23.01.2021). – Рез. англ.
3. What Factors Affect Income Inequality and Economic Growth in Middle-Income Countries? / D. H. Vo, T. C. Nguyen, N. P. Tran, A. T. Vo. – DOI 10.3390/jrfm12010040 // *Journal of Risk and Financial Management*. – 2019. – Vol. 12, issue 1.
4. Montebovi, M. Review: Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization by Branco Milanovic / М. Montebovi. – DOI 10.33391/jgjh.41 // *Junctions: Graduate Journal of the Humanities*. – 2017. – Vol. 2, issue 2. – Pp. 131–136.
5. Kim, T. Regional Policy in the Republic of Korea: Principles and Experiences / Т. Kim, J. Lim. – Document № 189. Territorial Cohesion for Development Working Group. – URL: [https://www.rimisp.org/wp-content/files\\_mf/1467323016189\\_Taebyung\\_Kim\\_Junghwan\\_Lim.pdf](https://www.rimisp.org/wp-content/files_mf/1467323016189_Taebyung_Kim_Junghwan_Lim.pdf) (дата обращения: 21.01.2021).



6. Yu, Le-rong. The Effects of Social Security Expenditure on Reducing Income Inequality and Rural Poverty in China / Le-rong Yu, Xiao-yun Li. – DOI [10.1016/S2095-3119\(20\)63404-9](https://doi.org/10.1016/S2095-3119(20)63404-9) // Journal of Integrative Agriculture. – 2021. – Vol. 20, issue 4. – Pp. 1060–1067.

7. He, S. A Spatiotemporal Analysis of County Economy and the Multi-Mechanism Process of Regional Inequality in Rural China / S. He, F. H. Liao, G. Li. – DOI [10.1016/j.apgeog.2019.102073](https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2019.102073) // Applied Geography. – 2019. – Vol. 111.

8. Hai, Z. The Impact of Population Aging on Income Inequality in Developing Countries: Evidence from Rural China / Z. Hai. – DOI [10.1016/j.chieco.2010.09.003](https://doi.org/10.1016/j.chieco.2010.09.003) // China Economic Review. – 2011. – Vol. 22, issue 1. – Pp. 98–107.

9. Unravelling the Extent of Inequalities in Health Across Urban and Rural Areas: Evidence from a National Sample in England / M. Riva, S. Curtis, L. Gauvin, J. Fagg. – DOI [10.1016/j.socscimed.2008.11.024](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2008.11.024) // Social Science & Medicine. – 2009. – Vol. 68, issue 4. – Pp. 654–663.

10. Black, N. Social Inequalities in Rural England: Impacts on Young People Post-2008 / N. Black, K. Scott, M. Shucksmith. – DOI [10.1016/j.jrurstud.2018.09.008](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2018.09.008) // Journal of Rural Studies. – 2019. – Vol. 68. – Pp. 264–275.

11. Disparities and Territorial Discontinuities in France with its New Regions: A Multiscalar and Multidimensional Interpretation. *Economie et Statistique* / K. Antunez, B. Baccaïni, M. Guérois, R. Ysebaert. – DOI [10.24187/ecostat.2017.497d.1928](https://doi.org/10.24187/ecostat.2017.497d.1928) // Economics and Statistics. – 2017. – No. 497–498. – Pp. 19–41.

12. Cuadrado-Roura, J. R. Regional Policy, Economic Growth and Convergence: Lessons from the Spanish Case / J. R. Cuadrado-Roura. – DOI [10.1007/978-3-642-02178-7](https://doi.org/10.1007/978-3-642-02178-7). – Berlin : Springer Science & Business Media, 2010. – 330 p.

13. Fawcett, L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space / L. Fawcett. – DOI [10.4324/9781315589626-11](https://doi.org/10.4324/9781315589626-11) // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. – Abington : Routledge, 2016. – Pp. 33–55.

14. Иванов, С. А. О пространственном подходе в теории региональной экономики / С. А. Иванов, В. В. Ложко // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. – 2015. – Т. 9, – № 1. – С. 18–25. URL: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/3550> (дата обращения: 01.02.2021). – Рез. англ.

15. Горшков, М. К. Социальные неравенства как вызов современной России / М. К. Горшков // Вестник Института социологии. – 2010. – № 1. – С. 24–47. – URL: [https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik\\_2010\\_01/gorshkov.pdf](https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2010_01/gorshkov.pdf) (дата обращения: 02.02.2021). – Рез. англ.

16. Шевяков, А. Социальное неравенство, бедность и экономический рост / А. Шевяков // Общество и экономика. – 2005. – № 3. – С. 5–18. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17696099> (дата обращения: 12.01.2021).

17. Шевяков, А. Ю. Экономическое неравенство: тормоз демографического роста / А. Ю. Шевяков // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 9. – С. 197–201. – URL: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-9.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

18. Семенова, Н. Н. Совершенствование механизма финансирования инновационной деятельности региона в контексте концепции устойчивого развития / Н. Н. Семенова, В. И. Чугунов, Р. А. Коломасова. – DOI [10.15507/2413-1407.113.028.202004.666-694](https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.666-694) // Регионоведение. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 666–694. – Рез. англ.



19. Калина, А. В. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов / А. В. Калина, И. П. Савельева // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. – 2014. – Т. 8, № 4. – С. 15–24. – URL: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/2865> (дата обращения: 10.02.2021). – Рез. англ.

20. Глазьев, С. Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С. Ю. Глазьев, В. В. Локосов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4 (22). – С. 22–41. URL: [http://esc.vsc.ac.ru/article/317/full?\\_lang=ru](http://esc.vsc.ac.ru/article/317/full?_lang=ru) (дата обращения: 28.01.2021).

21. Лексин, В. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Ст. 8: Депрессивные территории: прежние проблемы и новые варианты их решения / В. Лексин, А. Швецов. – Текст : непосредственный // Российский экономический журнал. – 2001. – № 9. – С. 35–63.

22. Губанова, Е. С. Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона / Е. С. Губанова, В. С. Клещ. – DOI 10.15838/esc.2019.5.65.3 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 5. – С. 44–57. – Рез. англ.

Поступила 17.02.2021; одобрена после рецензирования 26.03.2021; принята к публикации 07.04.2021.

*Об авторах:*

**Коваленко Елена Георгиевна**, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4688-6030>, [kovelena13@mail.ru](mailto:kovelena13@mail.ru)

**Полушкина Татьяна Михайловна**, профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4192-5176>, [polushkinatm@gmail.com](mailto:polushkinatm@gmail.com)

**Якимова Ольга Юрьевна**, профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5004-9978>, [olyakimova@yandex.ru](mailto:olyakimova@yandex.ru)

**Акимова Юлия Алексеевна**, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0404-5105>, [yuuaakimova@mail.ru](mailto:yuuaakimova@mail.ru)

*Заявленный вклад авторов:*

Е. Г. Коваленко – постановка научной проблемы; определение методологии исследования; интерпретация полученных результатов.

Т. М. Полушкина – поиск и систематизация материалов в отечественных и зарубежных источниках; критический анализ результатов исследования; формулирование выводов.



О. Ю. Якимова – структурирование и анализ данных; визуализация данных в тексте; подготовка графических материалов; разработка практических рекомендаций.

Ю. А. Акимова – проведение исследования и первичная обработка полученных результатов; подготовка начального варианта и доработка текста.

*Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

## REFERENCES

1. Bussolo M., Dávalos M., Peragine V., Sundaram R. Toward a New Social Contract. Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia. *Europe and Central Asia Studies*. Washington, DC: World Bank; 2018. Available at: <https://www.amazon.com/Toward-New-Social-Contract-Distributional/dp/1464813531> (accessed 21.01.2021). (In Eng.)
2. Zubarevich N.V., Safronov S. Inequality in the Socio-Economic Development of Regions and cities in Russia in the 2000s: Growth or Decline? *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 2013; (6):15-26. Available at: [http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26\\_Zubarevich.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26_Zubarevich.pdf) (accessed 23.01.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Vo D.H., Nguyen T.C., Tran N.P., Vo A.T. What Factors Affect Income Inequality and Economic Growth in Middle-Income Countries? *Journal of Risk and Financial Management*. 2019; 12(1). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm12010040>
4. Montebovi M. Review: Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization by Branco Milanovic. *Junctions: Graduate Journal of the Humanities*. 2017; 2(2):131-136. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.33391/jgjh.41>
5. Kim T., Lim J. Regional Policy in the Republic of Korea: Principles and Experiences. Document № 189. Territorial Cohesion for Development Working Group. Available at: [https://www.rimisp.org/wp-content/files\\_mf/1467323016189\\_Taebyung\\_Kim\\_Junghwan\\_Lim.pdf](https://www.rimisp.org/wp-content/files_mf/1467323016189_Taebyung_Kim_Junghwan_Lim.pdf) (accessed 21.01.2021). (In Eng.)
6. Yu L.-R., Li X.-Y. The Effects of Social Security Expenditure on Reducing Income Inequality and Rural Poverty in China. *Journal of Integrative Agriculture*. 2021; 20(4):1060-1067. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S2095-3119\(20\)63404-9](https://doi.org/10.1016/S2095-3119(20)63404-9)
7. He S., Haifeng Liao F., Li G. A Spatiotemporal Analysis of County Economy and the Multi-Mechanism Process of Regional Inequality in Rural China. *Applied Geography*. 2019; 111. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2019.102073>
8. Hai Z. The Impact of Population Aging on Income Inequality in Developing Countries: Evidence from Rural China. *China Economic Review*. 2011; 22(1):98-107. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2010.09.003>
9. Riva M., Curtis S., Gauvin L., Fagg J. Unravelling the Extent of Inequalities in Health across Urban and Rural Areas: Evidence from a National Sample in England. *Social Science & Medicine*. 2009; 68(4):654-663. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2008.11.024>
10. Black N., Scott K., Shucksmith M. Social Inequalities in Rural England: Impacts on Young People Post-2008. *Journal of Rural Studies*. 2019; 68:264-275. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2018.09.008>



11. Antunez K., Baccaïni B., Guérois M., Ysebaert R. Disparities and Territorial Discontinuities in France with Its New Regions: A Multiscalar and Multidimensional Interpretation. *Economie et Statistique* = Economics and Statistics. 2017; (497-498):19-41. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24187/ecostat.2017.497d.1928>
12. Cuadrado-Roura J.R. Regional Policy, Economic Growth and Convergence: Lessons from the Spanish Case. Springer Science & Business Media; 2010. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-02178-7>
13. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space. In: Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert (eds.). Abington: Routledge; 2016. p. 33-55. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315589626-11>
14. Ivanov S.A., Lozhko V.V. Spatial Approach to the Theory of Regional. *Vestnik YuUrGU. Seriya Ehkonomika i menedzhment* = Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management". 2015; 9(1):18-25. Available at: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/3550> (accessed 01.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Gorshkov M.K. Social Inequalities as a Challenge to Modern Russia. *Vestnik Instituta sotsiologii* = Bulletin of the Institute of Sociology. 2010; (1):24-47. Available at: [https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik\\_2010\\_01/gorshkov.pdf](https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2010_01/gorshkov.pdf) (accessed 02.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Sheviakov A. Social Inequality, Poverty and Economic Growth. *Obshchestvo i ekonomika* = Society and Economy. 2005; (3):5-18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17696099> (accessed 12.01.2021). (In Russ.)
17. Shevyakov A.Yu. Economic Inequality: An Obstacle to Economic Growth. *Zhurnal novej ehkonomicheskoy assotsiatsii* = Journal of the New Economic Association. 2011; (9):197-201. Available at: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-9.pdf> (accessed 12.01.2021). (In Russ.)
18. Semenova N.N. Chugunov V.I., Kolomasova R.A. Improvement of the Mechanism for Funding Innovation Activities in a Region in the Context of Sustainable Development. *Regionologiya* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):666-694. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.666-694>
19. Kalina A.V., Savelieva I.P. Formation of Threshold Values of the of Economic Security of Russia and its Regions. *Vestnik YuUrGU. Seriya Ehkonomika i menedzhment* = Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management". 2014; 8(4):15-24. Available at: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/2865> (accessed 10.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Glazyev S.Y., Lokosov V.V. Assessment of the Critical Threshold Values of the Indicators of the State of Russian Society and Their Use in the Socio-Economic Development Management. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2012; (4):22-41. Available at: [http://esc.vssc.ac.ru/article/317/full?\\_lang=ru](http://esc.vssc.ac.ru/article/317/full?_lang=ru) (accessed 28.01.2021). (In Russ.)
21. Leksin V., Shvetsov A. All-Russian Reforms and Territorial Development. Art. 8: Depressed Territories: Old Problems and New Solutions. *Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal* = Russian Economic Journal. 2001; (9):35-63. (In Russ.)
22. Gubanova E.S., Kleshch V.S. Overcoming Socio-Economic Inequality as a Condition for Sustainable and Balanced Spatial Development of the Region. *Ehkonomiches-*



*kie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019; 12(5):44-57. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.3>

Submitted 17.02.2021; approved after reviewing 26.03.2021; accepted for publication 07.04.2021.

*About the authors:*

**Elena G. Kovalenko**, Head of the Department of State and Municipal Administration, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4688-6030>, kovelena13@mail.ru

**Tatyana M. Polushkina**, Professor, Department of State and Municipal Administration, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4192-5176>, polushkinatm@gmail.com

**Olga Yu. Yakimova**, Professor, Department of State and Municipal Administration, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5004-9978>, olyakimova@yandex.ru

**Yulia A. Akimova**, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0404-5105>, yuaakimova@mail.ru

*Contribution of the authors:*

E. G. Kovalenko – statement of the research problem; choice of research methodology; interpretation of the results.

T. M. Polushkina – search for and systematization of materials from Russian and foreign sources; critical analysis of the results; drawing conclusions.

O. Yu. Yakimova – data structuring and analysis; visualization of data in the text; preparation of graphical materials; production of practical recommendations.

Yu. A. Akimova – conducting the study and initial processing of the results; writing the initial version of the text and its revision.

*The authors have read and approved the final version of the manuscript.*